

День пегенький, промозглый. Зябко, неуютно. Весна на носу, и природа будто готовится к приходу Бабы Марты – так болгары именуют этот первый весенний месяц за его непредсказуемый и капризный нрав. В такие вот дни и лезут, словно тараканы в щель, воспоминания. Неожиданные, как бы и не связанные с сиюминутными событиями. Лезут да лезут и гложут душу до слёз...

Есть в Болгарии деревушка Пчелин. По-русски – пчельник, пасека, борть. Название её то ли от любимого лакомства пчёл – «пчельника», или мелиссы, перенятой с греческого, а в народе растение это, густо облепившее окрестные холмы и пропитавшее воздух лимонным духом, прозывают также медовкой, медуницей, маточником. То ли от «пчельнице», в каковое некогда сами пчёлы превратили всю окрестность, заполняя мёдом дупла деревьев и колоды, служившие им ульями. Трудолюбивые пчёлки и надоумили сельчан заставить их работать на себя.

Слава пчелинских пчеловодов осталась лишь в названии этого небольшого сельца. Ныне её сменила другая – слава водолечебницы «Пчелински бани». Известной своей очень

целебной минеральной водой не только в Болгарии, но и в других странах.

– Это бани для пчёл? – спросила меня моя маленькая внучка.

– Нет, внученька, для людей, здесь они лечат свои болячки – руки, ноги, спинки и животики, когда они раздуваются от переедания...

Термальные источники и обеспечили сельчанам более доходный промысел. О мёде тут позабыли, а на вопрос, где можно купить баночку их некогда знаменитого «эликсира», беспечно отмахиваются: «Да мы сами его в городе на базаре покупаем»...

Но рассказ не об этом. Хотя и об этом тоже. Потому что в этом селе, зажиточном и прижимистом – как подсказывает само ремесло его нынешних обитателей, и случилась та пронзительная история, что сегодня вдруг всплыла в моей памяти. История про бедного пёсика. Ничейного. Даже не дворняги. У дворняжки, как и полагается, есть двор, есть и будка вместе с обязанностью – охранять дом. За труд этот ей и причитается кусок хлеба или обглоданная кость. А у нашего бедняги – ничего: родился от дворняжки и вышвырнут на улицу. Как говорится, ни кола ни двора. Хотя в отношении к нему прибаутка не совсем точна – колов-то у него хоть отбавляй. В чём мы ещё в первый день убедились.

Едва мы с Недой вышли за ворота здравницы – прогуляться по окружной сельской улице, как услышали пронзительный собачий визг. Хозяин соседнего дома, напротив, с дикой бранью колошматил колом собаку. Лишь за то, что осмелилась подойти к забору его дома – огромного двухэтажного новодела. Когда бедняга вырвалась и помчалась прочь, вприпрыжку, на трёх лапах – четвёртая, искалеченная, была поджата к животу, – он запустил вдогонку ей булыжником.

– Эх, Ганьо, боййся Бога – грех бить покалеченного, – укорила его проходившая мимо односельчанка. – Животинка ведь... голодная... корку бы какую-нибудь подбросил, а не добывал хромоножку. От куска хлеба тебя не убудет!

– Ступай себе мимо! Ишь, какая жалостливая выискалась!
– Вот сама и подай! Бродит тут шелудивый, заразу разносит!
– и, хлопнув калиткой, удалился в свою крепость.

Неда, со слезами на глазах, спросила женщину:

– Кто сломал ей ножку?

– Машина её сбила

– Бедненькая собачка, а как её зовут?

– Да никак, бродячая она. Мы её Шаркой кличем. За пестрядевую шкурку.

– Где же она спит?

– Где придётся. Чаще всего под кустом...

За обедом Неда сказала мне:

– Давай отнесём Шарко мяса, я и без того не хочу его есть.

– Конечно же, милая. Я и своего добавлю.

Шарко мы нашли под кустом у ворот санатория. Он опасно посмотрел на нас, боясь подойти к положенным рядом с ним кускам неведомого лакомства.

– Ешь, Шарко, ешь, не бойся, – приговаривала Неда.

Пёсик, с щемящей признательностью, взглянул ей в глаза, вильнул хвостиком, подполз к пластмассовой тарелке с едой, но не набросился на неё, как следовало бы – с жадностью, а с деликатностью, несвойственной собаке, притом изголодавшейся, принялся жевать мясо.

Вечером после ужина Шарко радостно встретил нас у тех же ворот. Накормили его. Напоили. Перевязали рану. И через несколько дней он уже начал наступать на больную ногу.

Так продолжалось до конца нашего пребывания здесь. В день отъезда, когда мы стали выносить багаж к машине, возле

неё на тротуаре нас поджидал Шарко. С беспокойством заглядывал нам в глаза, нервно переступал передними лапами и тихонько поскуливал. Предчувствовал разлуку? Или со слабой надеждой молил, чтобы его не бросали? Когда последний чемодан был уложен в багажник и захлопнута его дверца, Шарко вдруг задрал голову и завыл. Душераздирающе. Невыносимо. Отчаивающе. Мы растерянно стояли, не зная, что делать. Неда заплакала. Я бормотала ему какие-то ласковые, утешительные слова. От них бедный пёсик завыл ещё больше. Машина тронулась, и Шарко помчался вслед за нею. Он бежал, бежал, до тех пор, пока она не скрылась из виду.

С тех пор прошло почти пять лет. И вот сегодня, в пасмурный и хмурый день, я почему-то вспомнила эту прощальную сцену. Сердце болезненно сжалось в комок. А я вдруг поняла, что нужно делать, чтобы такие воспоминания не врывались в душу и так невыносимо не терзали её: следует всего лишь открыть дверцу машины и увезти с собой Шарко.

Но как поздно, как непоправимо поздно, мы находим такое простое спасительное решение...